Для цитирования: Ершов Ю. Г. К вопросу о поправках в Конституцию Российской Федерации — 2020 // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 41—49. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49

УДК 130.3

К ВОПРОСУ О ПОПРАВКАХ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — 2020

Ершов Юрий Геннадьевич,
доктор философских наук, профессор,
Российская Федерация, г. Екатеринбург
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена оценке причин и смысла поправок в Конституцию Российской Федерации, предпринятую действующим политическим режимом. Способ принятия и содержание поправок свидетельствуют о неспособности государства и в целом политической системы управлять и властвовать в соответствии с принципами и нормами демократии и права. Используется понятие «недостойное правление» для характеристики сложившегося в России механизма власти и управления обществом.

Ключевые понятия:
конституция,
демократия,
государство,
фарс,
авторитаризм,
«недостойное правление».

Введение

Фарсом, как известно, называется грубая шутка, низкий тип комедии, переполненный грубостью и несуразицей, это пошлость и банальность, доведенные до абсурда. В переносном смысле этим словом обозначается нечто лицемерное, циничное и лживое, фарс востребован в ситуациях запугивания и манипуляции.

Ассоциация с фарсом не случайна, она принудительно вызывается историей с пакетом разнородных поправок к Конституции Российской Федерации, создавшей изрядную сумятицу в умах. По каким же признакам происходящее представляется фарсом?

Во-первых, заведомо неконституционен порядок внесения поправок, по своему содержанию кардинально попирающих принципы права. Во-вторых, невероятна скорость, с которой Конституционный Суд признал предложенные поправки не противоречащими первой, второй и девятой главам действующей Конституции. Во-третьих, это признание не утрудило себя сколько-нибудь убедительной правовой мотивацией и юридической аргументацией. Зато ярко высветилась политическая ангажированность Конституционного Суда, ставящая под вопрос его состоятельность как одного из важнейших политико-правовых институтов цивилизованного государства. Абсурдна ситуация внезапного предложения по обнулению сроков президентства В. В. Путина. Наконец, нелепый характер имеет отсроченное одобрение поправок всенародным голосованием.

Обсуждение

В действующей Конституции России закреплены ценности и идеалы республиканизма (народовластия) и федерализма, то есть ценности современного цивилизованного общества. К ее же (Конституции) достоинствам с самого начала относили идеи политического плюрализма, равенства перед законом, разделения властей и безусловного приоритета прав и свобод личности. При этом практически сразу после ее принятия в 1993 г. развернулась конструктивная критика дефектов Конституции с точки зрения ее фундаментальных оснований, имеющих прямое отношение к признакам правового государства.

Имея заимствованный характер, она механически воспроизводила политико-правовые нормы и институты, сформированные многовековой историей западной

цивилизации и совершенно не адаптированные к российской почве. Все это выразилось в отсутствии проработки фундаментальных принципов разделения властей (особенно в части системы взаимных сдержек и противовесов), федерализма и местного самоуправления, что закономерно привело к грубейшим нарушениям в балансе взаимоотношений ветвей власти, становлению персоналистской автократии, кумулятивно накапливающей дальнейшие противоправные деформации.

Предлагаемые поправки, претендующие на реформу, направлены не на разрешение реальных проблем действующей Конституции, но, напротив, превращают конституционный процесс в откровенную имитацию. Президент и до конституционного переворота обладал практически ничем не ограниченной властью самодержца; поправки только превращают из де-факто в де-юре его исключительное положение вне системы разделения властей. Само разделение властей, тем более система взаимных сдержек и противовесов давно превратились в фикцию, попирая тем самым провозглашенные в Конституции принципы народовластия. Утвердившийся неконституционный режим «президентского правления» несовместим с обеспечением приоритета прав и свобод граждан как фундаментального признака правового государства. Два десятка лет назад А. И. Соловьев отмечал: «...как социокультурное явление нынешнее тяготение российской элиты к конституционализму представляет собой обыкновенную *мимикрию*, т. е. сугубо механическое, а не осознанное, присоединение к данному комплексу идей, которое вызвано, по всей видимости, желанием определенным образом декорировать политические действия верхов ради общественного мнения» [8, с. 71—72]. Сегодня маски сброшены и открылась нехитрая истина — нынешний правящий класс России в Конституции особенно и не нуждается.

Неприемлемость нового конституционного порядка для правящего класса в полной мере стала осознаваться к концу 1990-х. Ментальность новой номенклатуры, вышедшей из «шинели» брежневского оппортунизма и цинизма, сберегла традиционные ценности и стандарты властвования и управления. Как точно объяснял А. И. Соловьев, «политическая культура (в широком смысле слова) нынешней правящей элиты включает в себя и современные способы государственного управления (определенные, к примеру, противоречиями становления политического рынка), и традиции советского периода, и опыт более ранних этапов российской истории, когда даже высшие слои были не властителями общества, а лишь “холопами ивашками” царствующей особы» [8, с. 66].

Характерные черты этой культуры, всецело сфокусированной на захвате и удержании власти, — презрительное отношение к обществу, интерпретируемому как масса, к людям как к расходному материалу, отсюда — пренебрежение диалогом с населением. «Сверхчеловечность» правящего класса — в инструментальном принятии за норму сложившихся традиций, правил межличностного общения между членами властной иерархии. В рамках этой корпоративной морали, своеобразных чиновничьих «понятий» пренебрегают представлениями о должных социальных регуляторах, поскольку право в российской политике традиционно воспринимается как формальный и незначительный фактор влияния на властные отношения и управленческую деятельность.

Двадцать с лишним лет тому назад известный политолог (и не он один) выражал слабую надежду в возможность преодоления обычного сценария общественного и политического развития России, вековечного хождения «по-над пропастью», создания полностью коррумпированного порядка, «при котором латиноамериканские политические нравы покажутся лишь слабым его подобием» [8, с. 80]. Эта оценка совпадает с выводом другого автора относительно природы российской власти: «Везде, где власть прямо или косвенно является непосредственным участником правоотношений, растут правовой произвол и правовой нигилизм. Власть наподобие “черной дыры” искривляет вокруг себя «правовое пространство. А в непосредственной близости от нее “правовая материя” так и вовсе исчезает. Все правовые коллизии, в которых представители власти оказываются одной из сторон, как показывают многочисленные примеры, разрешаются в России исключительно в пользу власти» [6, с. 165].

Так, судебная власть, потеряв качественную определенность особой правовой деятельности, автоматически превратилась в модификацию административной деятельности, производимой аппаратом чиновников. Об этом наглядно свидетельствуют грубейшие нарушения процессуальных норм, отсутствие даже имитации состязательности сторон. Деградация правосудия с неизбежностью повлекла за собой деградацию всей

правовой системы, на новом историческом витке российской истории вновь превращая юридическое образование в «факультет ненужных вещей». Отечественное «право» так и не обрело такого важнейшего качества права, как формальность и общеобязательность, универсальная императивность. Обязательность русского права по-прежнему избирательна — «русское право на практике не признает равенства перед законом и в этом смысле является рудиментом традиционной культуры» [6, с. 169]. Культура власти российского властеуправляющего слоя (его трудно назвать элитой в традиционном смысле этого слова) «исторически сориентирована на постоянное и приоритетное использование именно политических регуляторов властных отношений, независимо от их легализованности и опосредованности законом. Поэтому право в российской политике традиционно воспринимается управителями как сугубо формальный и малосущественный фактор ограничения и регулирования их деловых возможностей» [8, с. 67].

Во властных отношениях в России преобладают приемы аппаратной борьбы, «подковёрные» схватки и т. п., противоречащие публичной природе институтов государства и оставляющие право сферой формального применения. Ценность права для российских политиков и чиновников ничтожна, как, впрочем, и доминирующие в обществе нравственные нормы. Именно этот случай имеет ввиду В. М. Кайтуков, говоря о том, что «существование формального законодательства в общей структуре диктата — мотивационного буфера и ширмы (вне зависимости от названия —парламент, Дума, диван, кортесы и т. д.) представляет собой крайне тонкую преграду для прямого правового произвола и перехода к тривиальной деспотии со всеми присущими ей недостатками. Этот фактор усиливается еще и тем, что иерарх-автократ является и верховным пенитенциарием, сосредотачивающим в руках военную, исполнительную силу и руководство пенитенциарной системой, т. е. при необходимости, диктатной или субъективной, по отношению к индивиду, или группе индивидов, или целому слою могут применены наказательные меры без участия правовых структур» [3, с. 231].

Разумеется, каждую отдельную поправку в Конституцию можно и нужно обсуждать — как с точки зрения ее соответствия праву, так и по субъективному смыслу инициаторов поправок, разделяя действительно дельные предложения и игру в слова, наделяемые исключительным нравственным и гражданским пафосом. Например, патриотизм был внезапно провозглашен Путиным национальной идеей. Вскоре после этого на пресс-конференции президента верноподданный журналист предложил требование любить родину закрепить в Конституции, видимо, на манер воинской повинности. Внезапные ассоциации услужливо «подбрасывают» высказывание о тождестве России и Путина, напоминают практики коллективных ликований и скорбей в Северной Корее, наконец, объявление любви к фюреру правовым чувством в нацистской Германии.

Прежние поиски правящим классом российской национальной идеи, призванной будто бы решить судьбу России, всегда скрывали желание оправдать, возвеличить и «легализовать» сакральную подоплеку власти. С национальной идеей ничего толкового не вышло, но главная цель поправок — именно подмена мировоззренческих основ действующей Конституции, закрепленных в преамбуле, а также первой и второй ее главах. Эти изменения не особенно ловко и изящно закамуфлированы под поправки в 3—8-е главы Конституции, но на самом деле противоречат фундаментальным положениям 1 и 2-й глав; они имеют антиконституционный и антиправовой характер, обусловленный уже тем, что в действующей Конституции изначально был предусмотрен механизм, придающий любым нормам, противоречащим положениям 1 и 2-й глав, конституционно ничтожный характер. В конституционно-правовом государстве такого рода нововведения не могут иметь юридическую силу, каким бы способом они ни принимались — парламентом, на плебисците или на референдуме. Изменить же содержание 1 и 2-й глав может, в соответствии с главой 9 Конституции, только лишь Конституционное собрание.

С естественно-правовых позиций поправки Конституции разрушают ее целостность и демократический ценностно-правовой характер. Зато для чиновников с легистским (нормативистским) мышлением конституционный переворот дает формально-правовые основания для фактического уничтожения заложенных в действующей Конституции базовых принципов республиканизма, федерализма, приоритета прав человека, равенства перед законом и разделения властей. В этот процесс закономерно вписывается многолетнее сужение и ограничение полномочий и независимости Конституционного Суда от исполнительно власти. По сути, Конституционный Суд

утратил собственную правовую природу, действуя вопреки Конституции, превратившись в административное учреждение, не озабоченное политическим и правовым смыслом своей деятельности, утратил необходимое доверие со стороны общества к себе как арбитру во взаимоотношениях ветвей власти, власти и гражданского общества.

Другими словами, под видом реформы России предлагается бездумная, местами просто нелепая конституционная контрреформа, противоречащая духу действующей Конституции и углубляющая конституционный дисбаланс. Набившие оскомину и неубедительные по содержанию выступления актеров, певцов и музыкантов вряд ли могут претендовать на замену пропущенного в 1993 г. условия заключения общественного договора между государством и обществом — широкой, открытой дискуссии по судьбоносным для России проблемам. Вместо серьёзного и давно назревшего диалога о будущем страны политический режим непрерывно производит разнообразные идеологические иллюзии и утопии.

Реформирование Конституции находится в том же русле, что и прежние провалившиеся попытки изобрести «суверенную демократию» или найти некий «глубинный народ» — интеллектуально не превосходящие прежнее противопоставление социалистической демократии в качестве подлинной — буржуазной как лицемерной и фальшивой. В этом же контексте пребывает периодически вспыхивающая тоска по «особому пути» и тщеславные претензии на «уникальность» России. Но ожидания прорывов на передовые рубежи мирового развития иллюзорны, поскольку повышение уровня жизни, науки, образования и здравоохранения трактуются, как правило, в качестве средств, но не стратегических целей модернизации.

Об этом свидетельствует характер предлагаемых изменений. Например, поправка, которая гарантирует приоритет Конституции России в российском правовом пространстве, что означает: «требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции». Неустранимое противоречие этой поправки состоит в том, что приоритет международных договоров закреплен в п. 4 ст. 15 Конституции; нетрудно догадаться, что направлена эта поправка против решений международных судебных органов, прежде всего Европейского суда по правам человека, неоднократно уличавшего отечественных чиновников и органы власти в насилии и произволе. Между тем обязательность исполнения таких решений вытекает из п. 1 ст. 17 Конституции: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Последовательным решением, открыто декларирующим истинные намерения этой поправки, была бы денонсация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Другое противоречие — ст. 15 и 17 относятся к гл. 1 и 2 Конституции, тем самым главам, которые в соответствии с гл. 9 могут быть изменены только через принятие новой Конституции. Но, кажется, никто не ставит вопрос подобным образом.

Непонятны последствия придания конституционного статуса Государственному совету, коль скоро по-прежнему, в соответствии с п. 3 ст. 80 Конституции, именно президент «определят основные направления внутренней и внешней политики государства».

Расширение полномочий Госдумы по утверждению премьер-министра оставляет открытыми вопросы о праве инициативы парламента на выдвижение собственной кандидатуры, в том числе вопреки воле президента и его совместимости с правом президента «отстранять от должности председателя правительства, его замов и федеральных министров в случае ненадлежащего исполнения обязанностей или в связи с утратой доверия».

Имитационный характер имеют предложения о запрете иностранного гражданства или вида на жительство высшим должностным лицам, повышения роли губернаторов, о назначении руководителей силовых ведомств по итогам консультаций президента с Советом Федерации. Поставлена дымовая завеса в виде идеи о создании «эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами», скрывающая завершение процесса строительства унитарного государства. В этом же ключе можно трактовать предложение о назначении прокуроров федеральной властью без согласования с законодательными собраниями субъектов Федерации. Завершает разгром принципа разделения властей предложение о праве президента вносить в подконтрольный Совет Федерации пред-

ложения о снятии судей Конституционного и Верховного судов.

Современный конституционализм неразделим с либерально-демократическими ценностями — основными правами и свободами, многопартийностью, правовым государством, приоритетом гражданского общества перед государством. Но значительная часть российского общества (включая элиту) придерживается ценностей традиционализма, по своему содержанию равнодушным или антагонистичным по отношению к либерально-демократическим идеям. Например, естественные и неотъемлемые права — краеугольный камень правового государства — среднестатистическим россиянином не воспринимаются как значимая ценность. На абстрактно-теоретическом уровне они не отрицаются и не опровергаются, на уровне реального поведения все происходит с точностью наоборот. Например, никто не отвергает идею толерантности, но процветает ожесточенная гомофобия, уживаются вместе и признание права на жизнь и требование восстановления смертной казни.

Сочетание электорального авторитаризма, политического контроля над ключевыми активами и ресурсами и низкого качества государственного управления дает основание, по мнению В. Я. Гельмана, квалифицировать сложившийся в России политико-экономический порядок как «недостойное правление». Этим термином (кросс-культурным переводом англоязычного bad governance) он обозначает государство с такими ведущими чертами, как извлечение ренты и коррупция в качестве принципов управления, фундаментальными нарушениями принципов верховенства права [1, с. 10—11]. Предназначение подобного механизма власти — в удержании, сохранении и максимизации политического и экономического господства правящей группировки.

«Одной из центральных проблем «недостойного правления», — отмечает В. Я. Гельман, — оказывается явный недостаток у политических лидеров долгосрочных стимулов для успешного развития страны. Поэтому и в качестве приоритетов реализуемого под их руководством политического курса выбираются лишь те направления, которые способны принести относительно быструю и легко осязаемую отдачу, сопровождающуюся рядом демонстрационных эффектов, даже если их достижение идет в ущерб долгосрочным стратегическим целям» [1, с. 194]. Также современная государственная «элита» преуспевает в двух отношениях: подавлении политических противников и присвоении государственного имущества и активов в личных и/или групповых целях. В целом же, как отмечает другой политолог, «взамен ответственности, компетенции и самоограничения элиты в использовании своих полномочий российское культурное пространство власти демонстрирует совершенно иные предустановки: безответственность, постоянное использование уловок (в т. ч. и довольно неглупого свойства) для уклонения от исполнения законов, силовые приемы политико-административного управления и т. д.» [8, с. 71].

Подобной уловкой, правда, сомнительного свойства, стали поправки в Конституцию. Воздвигается очередная идеологическая ширма, облеченная в традиционную фальшивую и лицемерную риторику; она призвана маскировать политическую монополию патерналистского государства, не нуждающегося в гражданах как обладателях незыблемых прав и свобод. Отношение к Конституции достаточно цинично — как к декларации, адресованной массе, в свою очередь, не воспринимающей Конституцию как юридическую основу своего субъективного права, подлежащего судебной защите. Уместно вспомнить замечание В. Б. Пастухова о примечательной особенности российских идеологий: «Если в России объявили, что перестали воздвигать православное царство и начали строить коммунизм, то это вовсе не означает, что до этого здесь на самом деле выстраивали православие и тем более, что будут строить коммунизм» [7, с. 54]. После отрицания коммунистической идеологии и ее детища в виде «развитого социализма» конституционно закрепили либеральную идею и приступили к «строительству капитализма». Результат восторга не вызывает. Да и сам процесс, полный неразберихи, лишенный четких ориентиров, под руководством алчной и близорукой постсоветской «элиты» вряд ли заслуживает громкого определения «строительства капитализма по демократической модели».

Поэтому и сегодня закрепление на конституционном уровне того или иного права совершенно не гарантирует его воплощения в реальность, причем четкое и ясное представление об условиях этого воплощения отсутствует не только у граждан, но и у самих законодателей.

Абстрактность и сугубо формальная рецепция конструкции либерально-демократической прав человека без устоявшейся практики их защиты и самой потребности в их защите привела к ее неустойчивости

и неэффективности, к деградации самой идеи прав человека. Для неразвитого массового политического сознания идея разделения властей и системы взаимных сдержек и противовесов оказалась и сложна, и ментально неприемлема. Ее отрицание сопровождалось восстановлением традиционного образа власти, в котором государство — это его первое лицо, соответственно, патриотизм — оправдание любых действий первого лица. Архетипы архаичного сознания персонифицируют политику — как в позитивных, так и негативных образах, превращая политиков в абстрактные символы и сакрализуя их. В этом сознании государственный лидер механически замещает архаического вождя, обретая статус пророка и жреца, изрекающего общеобязательные священные истины.

Значительный разрыв между конституционными декларациями и самой жизнью и ранее был мощным источником перманентного правового нигилизма; нынешние поправки в Конституцию уничтожают остатки законопослушного поведения как добровольного и ответственного выбора самих граждан. Предыдущие — «сталинская» и «брежневская» конституции — концентрировались на провозглашении социально-экономических прав, тогда как «негативные» права (первого поколения), которые принято считать естественными и неотъемлемыми, или вообще отсутствовали (право частной собственности, свобода передвижения) или имели формальный характер (свобода слова, печати, собраний и митингов и т. д.). Именно поэтому успех принятия поправок обусловлен даже не возможными фальсификациями, а органичным неприятием либеральных ценностей, отринутыми во имя «традиционных» ценностей. Конституционное закрепление индексации социального обеспечения отвечает иждивенческим настроениям, нежеланию жить в современности, поскольку мало кого заботит отсутствие социально-экономических механизмов, способных обеспечить устойчивый экономический рост. Большинству глубоко чужды ценности европеизированного меньшинства, оно не то чтобы против заимствований, делающих повседневную жизнь значительно более комфортной, но не ценой глубокой перестройки сферы труда и политического участия.

Естественно, что люди с достаточно развитым рационально-критическим отношением и нравственной рефлексией, с чувством собственного достоинства не склонны к легковерию и дешевым посулам. Авторитаризм обычно ищет поддержку в слоях населения с моральным и интеллектуальным уровнем традиционного общества, стараясь насаждать примитивные инстинкты и вкусы как можно более широким слоям масс. Поддержку лучше искать среди людей легковерных. Во-вторых, добиться единодушия и управляемости легче всего через негативные программы отношения к врагам — внешним и внутренним, тогда как позитивная программа созидания требует убеждения в ее продуманности, предполагает совместные усилия по ее реализации на основе трудовых усилий.

Между тем мировая экономика, по оценкам экспертов, уверенно входит в рецессию, подстегнутую пандемией короновируса. Падение мировых цен на нефть делает кризис особенно болезненным для России, попрежнему, выражаясь расхожим штампом, «сидящей на нефтяной игле». Если сегодня прогнозируется трудный выход наиболее экономически развитых стран в течение одного-трех лет, то наша ситуация осложнена постоянно возрастающей в последние годы сырьевой зависимостью. Так, известный экономист И. Николаев утверждает: «Доля добывающих отраслей в структуре промышленного производства увеличилась с 34,1 % в 2010 г. до 38,9 % в 2018 г. Напротив, доля обрабатывающих отраслей в промышленности уменьшилась за этот же период с 53,2 до 50,7 % соответственно» [5, с. 6]. Проблемы российской экономики лежат на поверхности на протяжении многих лет: отсутствует инвестирование ключевых бизнес-проектов, нуждается в улучшение бизнес-климат, засилье государства в экономике по-прежнему велико. Если резкое ускорение экономического роста напрямую зависит от расширения экспорта, то откуда возьмется дополнительная конкурентоспособная российская продукция?

Дальнейшая же конфронтация России со странами Запада способна только усугубить многочисленные дефекты «недостойного правления». Ни правящий класс, ни большинство населения не в состоянии критически рационально отнестись к превращению России во второстепенное государство с утраченным мировым влиянием, незначительным ВВП, обеспеченным преимущественно сырьевой экономикой. Фантомные имперские «боли» лечатся психологией «осажденной крепости», призванной сплотить нацию вокруг вождя. Навязчивые поиски реальных или воображаемых угроз национальной безопасности используют-

ся как решающие аргументы оправдания милитаризма, неудачного импортозамещения, делают экономику России заложницей геополитики. При этом забывается, что негативная мобилизация для достижения идентичности, единства и коллективных целей— опасное средство, подобное наркотику — к нему быстро и легко привыкают, но тяжело расстаются; кроме того, оно может превратиться в бумеранг, обращенный против самой власти. Пока же население адаптируется на каждом новом витке ухудшения политической и экономической ситуации в стране, «а страна продолжает инерционное движение по пути загнивания и упадка» [1, с. 220].

Исходя из вышеизложенного, приходится согласиться с грустным выводом об исчезновении «иллюзии о возможности улучшить качество управления российским государством при сохранении нынешнего политического режима: проще говоря, до тех пор, пока Владимир Путин фактически является главой государства (независимо от того, какой именно официальный пост он занимает), о пересмотре «"недостойного правления" в России речи идти не может» [1, с. 217]. Еще печальнее опыт мировой истории: как показывает практика эволюции автократических политических режимов, естественная смерть прежних «вождей» отнюдь не гарантирует демократических перемен. Можно говорить даже о своеобразной закономерности — длительность автократического правления повышает вероятность его смены политическим «двойником», если не ухудшенным его вариантом. Естественный ход вещей в этих условиях проявляется в дополнительных усилиях по сохранению политической и экономической монополии господствующей группировки, ведущей к дальнейшей деградации общества и государства. Очень часто реализация подобного курса сулит введение мобилизационной экономики, несовместимой с практиками правового государства и обостряющей все накопленные противоречия. Прошедшие годы убедительно демонстрируют нежелание правящего класса соотносить свои эгоистические интересы с потребностями как социальной защиты населения, тем более поддерживать социальные группы и слои, способные стать инициаторами и акторами модернизации.

Заключение

В очередной раз приходится прибегать к наглядным урокам истории — относительно последствий автократического правления — весьма сходных, несмотря на различия эпох и персон.

В предисловии к мемуарам видного дореволюционного чиновника В. И. Гурко их автор характеризуется прежде всего как практик, привыкший претворять слова в дела, предпочитающий идеологическому фетишу полезный результат. Гурко рекомендуется как либерал классического типа, «которому одинаково претили и убогий консерватизм — "тащить и не пущать!" — записных патриотов, и заигрывания кадетов с социалистами» [2, с. 13]. Записки ветерана государственной службы обнаруживают особую ценность при повторении ситуаций острого кризиса государственности. Свидетель краха некогда могущественной империи В. И. Гурко считал, что «едва ли не главной причиной внутренних смут, омрачивших царствование Николая II и приведших в конечном счете к крушению государства, было именно стремление царя осуществить такой способ правления, который не соответствовал мощи его духовных сил. Иначе говоря, быть самодержцем, не обладая необходимыми для этого свойствами» [2, с. 35]. С течением времени самодержавие Николая II как единоличное и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов стало вырождаться. «Его, — пишет В. И. Гурко, — фактически заменила олигархия правительственного синклита, состоящего из сменяющихся, никакими общими политическими взглядами не сплоченных, а посему между собою постоянно борющихся глав отдельных отраслей правления» [2, с. 37]. Олигархическая борьба лишила государственную власть способности действовать и даже восприниматься в качестве таковой. «Происходила произвольная, часто совершенно непредвидимая смена министров, существовал административный произвол над отдельными личностями, действовала сложная система тормозов и препон в отношении проявления личной инициативы и энергии в любой области, но власти творческой, направляющей народную жизнь и созидающей благосостояние страны и ее населения, не было. В сущности, государственный аппарат положительного влияния на народную жизнь не имел. Жизнь эта развивалась сама по себе, понемногу с трудом разбивая те путы, которыми она была связана, развивалась, следовательно, не только помимо, но отчасти вопреки государственной власти, влияние которой если и сказывалось, то по преимуществу отрицательное, т. е. в качестве силы, задерживающей и тем самым озлобляющей здоровые

творческие элементы страны» [2, с. 45—46]. (Положительное влияние Витте и Плеве на ход событий, по мнению автора, не меняло в целом тяжкого состояния дел.)

Другой известный дипломат и партийный чиновник, В. М. Фалин, осмысляя причины краха перестройки, замечал: «То, что, при любой общественной системе покроенная под личность организация государственного руководства таит большой риск, в нашем советском случае мультиплицировалось сращиванием базиса с надстройкой, превращением экономики в инструмент и служанку политики. Обратная сторона взаимозависимости — катастрофическая — потянула в пропасть экономику. С ней рухнули интеграционные узы, которые — хорошо ли, худо ли — поддерживали относительную стабильность многонационального образования, каким являлся Советский Союз» [9, с. 392]. Политик, оказавшийся на вершине власти, по его компетентному мнению, рискует стать заложником недостоверной информации, искаженной статистики, абстрактных понятий и ценностей. Монопольное обладание высшей властью чревато полной зависимостью от сервильного окружения и собственных иллюзий. «Незнание, слитое с безграничной и неконтролируемой властью, — утверждает опытный политик и дипломат, — равно почти стихийному бедствию, поскольку действия (бездействия) выверяются не по фактам, а по субъективным причудам и мнениям. Это скверно везде и всегда. Это недопустимо опасно в любом современном государстве, где все взаимоувязано и переплетено. Так переплетено, что любое неловкое вмешательство чревато опасными для жизни осложнениями» [9, с. 393].

Опасными осложнениями в жизни государства и общества могут быть процессы инволюции, т. е. сегментация и ослабление жизнедеятельности социальной системы вместо продуктивного изменения ее организации. Повторение прежних патологий управления чревато созданием самой властью кризисных, а потом и революционных ситуаций.

Закончить хотелось бы компетентным мнением бывшей судьи Конституционного Суда Тамары Морщаковой, обратившей внимание на позицию, согласно которой «объективно в нашей жизни не созданы провозглашенные в Конституции в качестве основ конституционного строя и необходимые для реализации ее целей стратегические предпосылки: идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, свободные выборы, конкурентная среда в разных сферах общественной жизнедеятельности, свобода экономических активностей, независимое правосудие — конституционно обозначенная парадигма и инструментарий правового развития» [4]. Следовательно, если и начинать конституционные реформы, то с определения помех и тормозов действия этого инструментария. Поправки же в действующую Конституцию должны вноситься уполномоченными на это Конституцией субъектами; при этом должно быть исключено создание несогласованности между неизменяемыми главами об основах конституционного строя и правах человека и остальным конституционным текстом.

Священность Конституции не абсолютна, жизнь может подталкивать к ее совершенствованию и внесению своевременных поправок. Но при этом должно соблюдаться требование дальнейшего развития правового демократического государства — практик защиты основополагающих прав и свобод граждан, прежде всего — защиты от произвола, насилия, алчности и продажности власти и чиновников всех уровней.

_____

1. Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2019. 254 с.

2. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литератур. обозрение, 2000. 810 с.

3. Кайтуков В. М. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М. : Норд, 1992. 416 с.

4. Морщакова Т. О диалектике конституционного процесса и конституционных изменений. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/06/84197-tekst-i-realnost?utm_source=tw&utm_medium=novaya&utm_campaign=seychas-v-konstitutsii-predlagayut-zakrepit (дата обращения: 25.04.2020).

5. Николаев И. Сколько продлится кризис // Московский комсомолец. 2020. 25 марта — 1 апр.

6. Пастухов В. Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность// Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 162—171.

7. Пастухов В. Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый Путь?) // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 49—63.

8. Соловьев А. И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. С. 65—80.

9. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М. : Республика : Современник, 1999. 463 с.

References

1. Gel'man V.Ya. (2019) «Nedostojnoe pravlenie»: politika v sovremennoj Rossii. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 254 p. [in Rus].

2. Gurko V.I. (2000) Cherty i silujety proshlogo. Pravitel'stvo i obshhestvennost' v carstvovanie Nikolaja II v izobrazhenii sovremennika. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 810 p. [in Rus].

3. Kajtukov V.M. (1992) Evoljucija diktata. Opyty psihofiziologii istorii. Moscow, Nord, 416 p. [in Rus].

4. Morshhakova T. O dialektike konstitucionnogo processa i konstitucionnyh izmenenij. Available at: https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/06/84197-tekst-i-realnost?utm_source=tw&utm_medium=novaya&utm_campaign=seychas-v-konstitutsii-predlagayut-zakrepit, accessed 25.04.2020 [in Rus].

5. Nikolaev I. (2020) *Moskovskij komsomolec,* Marth 25 — April 1 [in Rus].

6. Pastuhov V.B. (2011) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 2, pp. 162—171 [in Rus].

7. Pastuhov V. B. (2001) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 1, pp. 49—63 [in Rus].

8. Solov'ev A.I. (1999) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 2, pp. 65—80 [in Rus].

9. Falin V.M. (1999) Bez skidok na obstojatel'stva: politicheskie vospominanija. Moscow, Respublika, Sovremennik, 463 p. [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G.
Farce of the authoritarian regime:
on the issue of amendments
to the Russian Federation Constitution — 2020 //
Socium i vlast'. 2020. № 2 (82). P. 41—49.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49

UDC 130.3

ON THE ISSUE OF AMENDMENTS TO THE RUSSIAN FEDERATION CONSTITUTION — 2020

Yuriy G. Ershov,
Doctor of Philosophy, Professor,
The Russian Federation, Yekaterinburg.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract
The article is devoted to assessing the reasons and meaning of amendments to the Russian Federation Constitution made by the current political regime. The manner in which the amendments were adopted together with their content demonstrates inability of the state and the political system as a whole to govern and rule in accordance with the principles and norms of democracy and law. The concept of "unworthy governing" is used to characterize the existing mechanism of power and management of society in Russia.

Key concepts:
Constitution,
democracy,
state,
farce,
authoritarianism,
"unworthy governing".